

В отечественной науке тема взаимосвязи и взаимозависимости эпох и культурных традиций не нова. Тема «Блок и Достоевский» нашла отражение в ряде научных публикаций российских литературоведов [1]. В нашей статье проблема поставлена несколько в ином ракурсе — Достоевский и Блок, что вернее и хронологически, и с точки зрения духовного влияния, и в деле поиска и раскрытия общих позиций в творчестве великих мыслителей России.

Ф.М. Достоевский и А.А. Блок принадлежат двум разным историческим эпохам. Зрелое творчество Достоевского относится к 1860–1870 годам — периоду «великих реформ» Александра II. А творческий расцвет Блока пришелся на начало XX столетия — время правления Николая II. Если Достоевский только предчувствовал нарастание революционного кризиса в России, что нашло отражение в романе-предупреждении, романе-пророчестве «Бесы», то Блок в полной мере испытал весь трагизм трех русских революций — 1905 года, Февраля и Октября 1917 года. Взаимосвязь исторических эпох заключена в том, что не доведенные до логического завершения многие преобразования 1860–1870-х годов, прежде всего, проведенная в интересах помещиков крестьянская реформа 1861 года, породили революционные события начала XX столетия.

Взаимосвязь исторических эпох вызвала к жизни органическую взаимосвязь культурных, литературных традиций «серебряного века». Многие русские литераторы начала XX столетия испытали влияние творчества Достоевского. В их числе был и Александр Блок.

Приближение Блока к творчеству Достоевского началось в юности. Бабушка Блока, Елизавета Григорьевна — известная переводчица, знала лично многих писателей, встречалась с Гоголем, братьями Достоевскими, Ап. Григорьевым, Толстым, Полонским, Майковым. В библиотеке поэта хранился экземпляр английского романа, который дал ей для перевода Ф.М. Достоевский. Перевод был напечатан в журнале братьев Достоевских «Время» (Б.5, 70. *Здесь и далее в тексте сноски даны по: Блок А.А. Собрание сочинений в шести томах. — Л.: Худ. литература, 1980 – 1983. Первая цифра означает номер тома, вторая — страницу*). Блок сетовал, что бабушка не оставила воспоминаний.

Блок впервые обратился к осмыслению творчества Ф.М. Достоевского в сентябре 1901 года, написав в Записной книжке: «Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. Так Пушкин столкнулся с Петром. Когда он заводит о Петре — сейчас звучит тайное. Так и истинно христианствующие, когда встречаются с Христом — Достоевский в учениях старца Зосимы (и все Карамазовы!). «Здесь тайна есть», ибо истинно родное сошлось в веках и, как тучи сошедшиеся, произвело молнию. Есть миры иные» (Б.5, 79). Эти параллельные миры сопровождали творчество Блока на протяжении всей его жизни. Особое отношение к мистике, выросшее, очевидно, из Гоголя, было присуще обоим мыслителям.

Впоследствии анализ творчества Достоевского предпринимался Блоком в очерках и статьях, в записных книжках и дневниках, в многочисленных письмах на протяжении многих лет.

Блок видел в русской литературе три знаковые фигуры: «Передо мной вырастают два демона, ведущие под руку третьего — слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это — Лермонтов, Гоголь и Достоевский» (Б.4, 30). «Достоевский, как падающая звезда, пролетает в летучих туманах Гоголя и Лермонтова; он хочет преобразить несбыточное, превратить его в бытие, и за это венчается страданием» (Б.4, 33).

Поэт стремился с точностью и присущей ему образностью определить место и роль Достоевского в русской культурной традиции. «Под стук извозчицких дрожек, катающих бледных существ взад и вперед по болоту, под звуки фабричных гудков, в дыму торчащих из мглы труб, — слепец расхлебывал вино петербургских туманов. Он был послан в мир на страдание и воплотился. Он мечтал о боге, о России, о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении своей мечты. Он верил и ждал, чтобы рассвело» (Б.4, 32).

Достоевский — ярый сторонник монархического правления, благоговел перед императором Александром II, считал себя обязанным монарху в связи с возвращением из Сибири. Федор Михайлович в знак благодарности посвятил Александру II три верноподданнических стихотворения, откровенно слабых, написанных в минуту эмоционального подъема. Более Достоевский стихов не писал.

Писатель был близок и лично знаком со многими представителями правящей династии — великими князьями, наследником престола — будущим императором Александром III. Он отрицал любые формы политического насилия, революцию как форму смены общественного строя, возлагал надежды на просвещение народа и понимание необходимости преобразований со стороны верхов. Видел в этом особую роль и призвание русской интеллигенции, особенно ее молодого поколения. «Народ и юное поколение интеллигенции нашей сойдутся вместе вдруг и во многом и гораздо ближе и успешнее поймут друг друга, чем то было в наше время и в наше поколение», — писал Достоевский в «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 года (Д. XXV. 131. *Здесь и далее сноски даны по: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. — Л.: Наука, 1972–1990. Первая цифра означает номер тома, вторая — страницу.*)

Отношение Блока к верховной власти было более сложным, противоречивым. Поэт ощущал надвигающуюся революцию, гниение старого монархического строя, неспособность государственных лиц вывести страну из глубокого и затяжного кризиса, обостренного войной. «Среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе» (Б.5, 289). Эти оценки и настроения получили наиболее полное отражение в историко-политическом исследовании Блока «Последние дни императорской власти» (сюжеты, созвучные с «Красным колесом» А. Солженицына).

Достоевский и Блок различно оценивали и исторических деятелей России. В частности, Достоевский состоял в дружеских отношениях и переписке с обер-прокуро-

ром Синода К.П. Победоносцевым, сходясь во многих подходах к текущим и историческим событиям. Блок иначе смотрел на данную фигуру: Победоносцев, произнес речь 8 марта 1881 года на заседании Государственного совета с требованием повешения цареубийц, «ухватив кормило государственного корабля, не выпускал его четверть века, стяжав себе своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий — имя старого «упыря» (Б.4, 92). «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла; / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла...» — писал Блок в поэме «Возмездие» (Б.2, 299).

Точную характеристику дал Блок последнему российскому императору Николаю II в самый трагический период российской истории — накануне событий февраля 1917 года. «Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, извержившийся в людях, задержанный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти. Распутин говорил, что у него «внутри недостает». <...> Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть, бывшая и без того «в плену у биржевых акул», расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею» (Б.5, 283).

Достоевский предчувствовал трагические события грядущей русской истории. В романе «Бесы» писатель вывел целую галерею революционеров, на деле оказавшихся уголовниками, содеявшими убийство студента Иванова. Особый трагизм вызвала фигура теоретика революционного кружка Шигалева, который предлагал «в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как первобытного рая...» (Д.Х, 312). И совсем изуверское заявление социальной программы Шигалева, о котором говорил его соратник Петр Верховенский: «...У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем и все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не было ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!» (Д.Х, 322). Шигалев — единственный персонаж романа, у которого отсутствуют имя и отчество. Он намеренно обезличен автором.

Пророческие слова относятся не только к роману «Бесы», но и ко многим страницам «Дневника писателя». В рассказе «Мальчик у Христа на елке» («ДП» за 1876 год) Достоевский нарисовал красочную картину рождественского праздника — райское видение для мальчика с улицы. «...Но и Достоевский уже предчувствовал иное: затыкая уши, торопясь закрыться руками в ужасе от того, что можно услышать и увидеть, он все-таки слышал быструю крадущуюся поступь и видел липкое и отвратительное серое животное», — писал Блок в очерке «Очаг» (Б.4, 21).

Сходными были чувства Достоевского и Блока в оценках России и русского народа. Оба верили в ее будущее величие, переживали по поводу поражений и провалов. Достоевский видел Россию во главе объединительного процесса спасения мира. «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их все к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной», — писал он в статье «Примирительная мечта вне науки» (Д.ХХV, 17).

Блок всеми душевными силами любил Россию: «...Мы работаем для России прежде всего, а европейская цивилизация в России никогда не привьется и даже будет встречать такое сопротивление и такую вражду. Что всем, кто не может или не должен отказаться от нее, придется рано или поздно или погибнуть, или покинуть Россию» (Б.4, 351).

Поэт тяжело переживал трагические события истории, свидетелем которых он был, задавал сложные смысловые историко-философские вопросы, искал на них рациональные ответы. Один из них состоял в осмыслении роли литератора, его отношения с властью, со страной. «Кто увел Достоевского на Семеновский плац и в мертвый дом? И когда в России не было *реакции*, того, что с нею и за нею, того, что мы, пережившие ясные и кровавые зори 9 января, осуждены теперь переживать *каждый день?*» (Б.4, 93). Поэт в России больше, чем только поэт?

Революционные события 1917 года вызревали не вдруг. Блок чувствовал приближение катастрофы задолго до революционного кризиса. В письме В.В. Розанову от 20 февраля 1909 года он отмечал: «Современная русская государственная машина есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость, семидесятилетний сифилитик, который пожатием руки заражает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица. Пускай даже она не созрела, пускай часто старчески не мудра, — завтра возмужает. Ведь это ясно, как божий день» (Б.6, 160–161).

Поэт предвидел трагические последствия мировой войны для России, называл войну хамством. «...Эта бессмысленная война ничем не кончится. Она, как всякое хамство, безначальна и бесконечна, безобразна», — отмечал он в Записной книжке 28 июня 1916 года (Б.5, 206).

Блок вернулся с фронта в Москву и Петербург, не имея четких представлений о происходящем в столицах. «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей *слабой силой*) я художник, то есть свидетель. Нужен ли художник демократии?» И далее: «В «начало жизни» я почти не верю. Поздно», — помечал он в Записной книжке 14 и 17 апреля 1917 года (Б.5, 207).

Февральскую революцию Блок в целом принял с позитивным настроением, с надеждой на перемены, на светлое будущее России. Он принимал участие в работе Чрезвычайной следственной комиссии, занимавшейся расследованием противозаконных действий бывших министров царского правительства. Верил в будущее России. «Все будет хорошо, — писал он в Записной книжке 22 апреля 1917 года. — Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться» (Б.5, 208).

По мнению поэта, Февраль стал закономерным итогом эволюции российского государства. «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции» (Б.5, 282).

Сложным и неоднозначным было отношение Блока к Октябрьской революции, что нашло отражение в поэме «Двенадцать», написанной по горячим следам событий в январе 1918 года. В советское время полагали, что поэма являет собой гимн революции, которую поэт принял безоговорочно. С одной стороны: «Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!» (Б.2, 318). Не все, однако, так просто. Есть в поэме и иные настроения: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь...» (Б.2, 316). Революция вызвала к жизни стихийные, неуправляемые силы, всколыхнула самое дно общества. Об этом упоминал еще Пушкин, когда говорил о бессмысленном и беспощадном русском бунте. «Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи! / Отмыкайте погреба — / Гуляет нынче гольтьба!» (Б.2, 320). «Эй, товарищ, будет худо, // Выходи, стрелять начнем!» (Б.2, 324). Право на революционное насилие? Кто дает такое право — Бог, народ, власть?

Поэт в статье «Интеллигенция и революция», написанной 9 января 1918 года в одно время с поэмой «Двенадцать», призвал собратьев по перу: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» (Б.4, 239). У самого Блока не получилось услышать в революции то, что он хотел услышать.

В дневниковых записях Блока по прошествии времени появились негативные оценки послеоктябрьских событий. «Загаженность, безотрадность форм, труд» (Б.5, 233). Особо тягостны ощущения поэта о судьбе России. «Несчастную Россию еще могут продать» (Б.5, 326). Впечатления от происходящих событий отрицательно сказывались на душевном состоянии Блока. «Никто ничего не хочет делать. Прежде миллионы из-под палки работали на тысячи. Вот вся разгадка. Но почему миллионам хотеть работать? И откуда им понимать коммунизм иначе, чем как грабеж и картеж?» — помечал он в дневнике 11 июня 1919 года (Б.5, 268).

Особо тягостные впечатления оставило разграбление крестьянами усадьбы Шахматово, где Блок провел прекрасные дни юности, утрата библиотеки. Поэт часто говорил по этому поводу. 22 сентября 1918 года: «Снилось Шахматово — а-а-а...» (Б.5, 251). 12 декабря 1918 года: «Отчего я сегодня ночью так обливался слезами в снах о Шахматове?» (Б.5, 252). 6 января 1919 года: «...Все, вероятно, грабили, а грабить там — в Шахматове — мало что ценного» (Б.5, 255). 20 марта 1919 года: «Сны, сны опять: Шахматово — по-особенному» (Б.5, 260).

Ранняя смерть Блока в возрасте 40 лет и 8 месяцев проистекала от тяжелых дум и чувств, вызванных текущими событиями. За стеной в квартире поэта поселили матроса, которого Блок называл «буржуа». «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет *буржуа* с семейством... Он обстрижен ежиком, расторопен... <...> Господи Боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. <...> Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа... гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана» (Б.5,242).

Ранее бытовало мнение, что Блок умер от голода. Однако еды хватало, о болезни поэта знали и Луначарский, и Горький, хлопотали об отправке его на лечение. Ранимый, с чувствительным и открытым сердцем поэт страдал от того, что происходило вокруг него. Душой он не мог принять не разрыва со старой Россией, а уничтожение самой России как культурного и нравственного явления. «Болезнь моя росла, усталость и тоска загрызали, в нашей квартире я только молчал» (Б.5, 277). Последняя запись в дневнике от 18 июня 1921 года: «Мне трудно дышать, сердце заняло полгруды» (Б.5, 277).

Достоевский и Блок отражали в своем творчестве городской быт, жизнь различных слоев городского населения, редко касаясь проблем российской деревни. Достоевский оставил точные и яркие образы русского крестьянина. Он посвятил этой теме очерк «Мужик Марей» («ДП» за 1876 год), показав крепостного крестьянина, обладавшего огромной внутренней силой. Этот образ сыграл значительную роль в восприятии писателем русского народа, послужил ценным материалом для многих произведений.

Блок соприкасался с представителями крестьянства, пребывая в имении деда Андрея Николаевича Бекетова — известного ботаника, сельце Шахматове Клинского уезда Московской губернии. Известный ученый, профессор, ректор Петербургского университета не умел и не знал, как общаться с крестьянами. Будучи добрейшим и открытым человеком, далеким от повседневности, бытовых проблем, он идеализировал крестьян. «...Дед мой выходил к мужикам на крыльцо, потряхивая носовым платком; совершенно по той же причине, по которой И.С. Тургенев, разговаривая со своими крепостными, смущенно отколупывая кусочки краски с подъезда, обещая отдать все, что ни спросят, лишь бы отвязались» (Б.5, 67). Поэт приводит одно характерное воспоминание о деде: «Однажды дед мой, видя, что мужик несет из лесу на

плече березку, сказал ему: «Ты устал, дай я тебе помогу». При этом ему и в голову не пришло то очевидное обстоятельство, что березка срублена в нашем лесу» (Б.5, 68).

Созвучие смыслов, чувств, настроений двух великих русских мыслителей относительно целого ряда исторических событий свидетельствует об органической преемственности русской культуры, о непреходящей любви к Отечеству, нашедшей отражение в творчестве лучших представителей русской литературы, о неразрывной связи поколений, прокладывающих путь добра и света от века к веку. На их примере можно и должно учиться вступающим в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Минц З.Г. Блок и Достоевский / З.Г. Блок // Достоевский и его время. — Л., 1971. — С. 217–247;

2. Ефимов И.С. К проблеме традиции Достоевского в раннем творчестве Блока / И.С. Ефимов // Вестник Новгородского гос. университета. — 2009. — № 52. — С. 36–39.

